

"LINGUISTIC COMPROMISE" IN THE SPEECH OF THE PEOPLE
OF SOUTHEAST ROMANIA (BASED ON V. KOROLENKO'S
ESSAYS ON ROMANIA)

Aliona BREABINA

PhD Student

("Alecu Russo" Balti State University, Republic of Moldova)

breabinaalena@gmail.com, <https://orcid.org/0009-0008-2618-5062>

Abstract

In this part of the dissertation research, we consider the "linguistic compromise" in the essays by V.G. Korolenko "Ours on the Danube", "Over the Firth", "Turchin and We", "Nirvana". "Linguistic compromise" according to Korolenko is a mixture of different languages and a bizarre mixture of Russian, Turkish, Romanian, Ukrainian, Bulgarian languages.

Keywords: *"linguistic compromise", dialectisms, barbarisms, surzhik, speech characteristic*

Rezumat

În această parte a cercetării, examinăm „compromisul lingvistic” din eseurile lui V.G. Korolenko „Ai noștri pe Dunăre”, „Peste estuar”, „Turchin și noi” și „Niroana”. „Compromisul lingvistic”, potrivit lui Korolenko, este un amestec de limbi diferite și un amestec bizar de limbi rusă, turcă, română, ucraineană și bulgară.

Cuvinte-cheie: *„compromis lingvistic”, dialectisme, barbarisme, surzhik, caracteristici de vorbire*

"This peculiar, mixed, naively irregular dialect – the result of an intertribal linguistic compromise – is often heard in the motley crowds of Dobruja bazaars and throughout the Danube" (V. Korolenko, Nirvana).

V. Korolenko is known as the author of the novella "In Bad Society" ("Children of the Underground") and the short stories "The Blind Musician" and "Makar's Dream". His contemporaries highly valued his brilliant artistic talent and combative civic spirit. He could be a subtle, graceful lyricist and a courageous fighter, but he also became stern and unyielding when he took up the weapon of publicist writing. M. Gorky often said that V. Korolenko, through his struggle and creativity, played a prominent role in the "building of a new Russia" (Горький / Gor'kij, 1951, p. 245).

He is widely known as a public figure and journalist who protested against violence, injustice, and anti-Semitism. In 1903, he published the essay "House No. 13", in which he described the horror of the Jewish pogrom in Chisinau (Короленко / Korolenko, 1955): «Что сказать о кишиневском погроме? Кажалось бы, тут не может быть двух мнений... Это какое-то стихийное пробуждение диких переживаний, прорывающее, как вулка-

ническое извержение, тонкую кору нашей культуры. Давно уже я не испытывал таких тяжелых минут, как несколько дней, проведенных в Кишиневе» / "What can I say about the Kishinev pogrom? It would seem there can be no two opinions... It was some kind of spontaneous awakening of wild emotions, breaking through, like a volcanic eruption, the thin crust of our culture. It's been a long time since I've experienced such difficult moments as the few days I spent in Kishinev" (Короленко / Korolenko, 1932, p. 98); «Пребывание в Кишиневе произвело на меня впечатление очень тяжелое: антисемитизм загадил всю жизнь» / "My stay in Chisinau left a very difficult impression on me: anti-Semitism has tainted my entire life" (Короленко / Korolenko, 1932, p. 64).

He first visited Romania in September 1893, when he was returning from America to Russia. V. Korolenko learned of the death of his daughter Lena and was planning to break the sad news to his wife, who was visiting V. Ivanovsky's brother in Tulcea. V. Korolenko visited Romania in 1897, 1903, 1904, and 1907, and captured his impressions in essays and travel notes: "Above the Estuary," "Our People on the Danube," "Nirvana," "Turchin and Us," "On the Blue Danube," "Epic," and others. They were published in the nineteenth volume of the collected works of V. Korolenko by the State Publishing House of Ukraine in 1923.

V. Korolenko encountered the "linguistic compromise" as a child. His first native language was Polish; his Polish mother taught him his native tongue as a child. He then mastered local Ukrainian, then Tatar, Yakut, dozens of different dialects, and Russian as a distinct language: «Меня вдруг охватило какое-то особое ощущение, теплой и сильной волной прилившее к сердцу, ощущение глубокой нежности и любви... к людям...» / "I was suddenly overcome by some special feeling, a warm and strong wave that rushed to my heart, a feeling of deep tenderness and love... for people..." (Короленко / Korolenko, 1922, pp. 22-24).

V. Korolenko could be called a man of three cultures: he wrote, spoke, and thought flawlessly in three languages at once – Russian, Ukrainian, and Polish. In his essays, he portrayed people who spoke several languages, albeit illiterately, but that wasn't what mattered to them; what mattered was the ability to communicate with one another. This factor explains the writer's special attention to the complex interaction of languages.

According to V. Korolenko, "linguistic compromise" is a mixture of different languages and a bizarre blend of Russian, Turkish, Romanian, Ukrainian, and Bulgarian – a rare occurrence. In Russian philology, this phenomenon is defined as *surzhyk* (суржик) – a linguistic formation that includes elements of Ukrainian combined with Russian.

Furthermore, V. Korolenko's essays also contain barbarisms. The *Encyclopedic Dictionary-Reference Book of Linguistic Terms and Concepts of the Russian Language* on barbarisms refers to borrowed words that have not been fully mastered

or have not been mastered at all, but retain a foreign phonetic or graphic design (Энциклопедический словарь-справочник / Enciklopedičeskij slovar'-spravočnik, 2007, p. 103). The characters use words and expressions from different languages naturally and easily. Sometimes, in a single sentence, you can find vocabulary from two or three languages in their speech. The author uses these expressions to stylize the artistic narrative, creating more expressive speech characteristics of the characters, evoking in the reader vivid ideas about the culture of Romania at that time.

The author meticulously depicts the linguistic flavor of southeastern Romania. Conveying the rural life of peasants, Korolenko makes extensive use of dialectal and barbaric idioms in these essays. All of these are masterfully used, accurately conveying the characters' personalities and assessments of their actions, and also intersect with the concept of lexical geography. V. Korolenko artistically conveyed the uniqueness of the local speech, using the language's full range of figurative and expressive means. Here are a few striking examples:

Над лиманом / Nad limanom

“Вы на "гармань" {Гармань – токь ддя молотъбы.} что ли? / Vy na "garman'" {Garman" – tok" dlja molot'by.} čto li?"; “Маре антика, значить по русски сказать: большой антикь / Mare antika, značit' po russki skazat': bol'šoj antik”;

“Полиция и та его знала. Приходить гвардистъ, – "ундиесте Тодоръ?" – Какого вамъ Тодоранадо? – "Тодоръ Думнезеу (значить по румынски "богъ") / Policija i ta ego znala. Prihudit' gvardist", – "undieste Todor"?" – Kakogo vam" Todoranado? – "Todor" Dumnezeu (značit" po rumynski "bog"”);

“А то есть еще констанцкой жудецы (уѣзда), городъ Манганія, надъ Чернымъ моремъ, къ болгарской границѣ, во-онъ, туда... / A to est' eše konstanckoj žudecy (uѣzda), gorod" Manganija, nad" Černym" morem", k" bolgarskoj granicѣ, vo-on", tuda...”;

“Чепура лети, – говорит на своеобразном греко-румыно-болгарском диалекте домну Фардуле, провожая праздным взглядом то аиста, то цаплю... / Čepura leti, – govorit na svoeobraznom greko-rumyno-bolgarskom dialekte domnu Fardule, provožaja prazdnym vzgljadom to aista, to caplju...”;

“Какой-то рослый белокурый субъект с кувшином в руке звонко выкрикивал: « Lapte, lapte!» / Kakoj-to roslyj belokuryj sub"ekt s kuvšinom v ruke zvonko vykrikival: « Lapte, lapte!»”;

“– Молока не угодно ли? – обратился он ко мне по-русски, сразу узнав земляка. – Куда это с греками отправляетесь? У Кытерлез? (использование приставки У вместо В) / Moloka ne ugodno li? – obratilsja on ko mne porusski, srazu uznava zemljaka. – Kuda èto s grekami otpravljaetes'? U Kyterlez? (ispol'zovanie pristavki U vmesto V)”;

“Sulina, as is well known, is a porto franco (Etymology: Derived from Italian porto franco "free port", where the first part is from Latin portare "to carry, to move", then from Proto-Indo-Hebrew *prtū-, the second is from Middle Latin Franc "frank", from Frankish *Frank, presumably from German *frankon "spear"), and Romanian customs ensure that the surrounding area does not appropriate its privileges.../ Sulina, as is well known, is a porto franco (Etymology: Derived from Italian porto franco "free port", where the first part is from Latin portare "to carry, to move", then from Proto-Indo-Hebrew *prtū-, the second is from Middle Latin Franc "frank", from Frankish *Frank, presumably from German *frankon "spear"), and Romanian customs ensure that the surrounding area does not appropriate its privileges...”;

“Porco (свинья) (ПОРТУГАЛЬСКИЙ или ИТАЛЬЯНСКИЙ) din mare... – кивает он головой, указывая на берег / Porco (svin'ja) (PORTUGAL'SKIJ ili ITAL'JANSKIJ) din mare... – kivaet on golovoj, ukazyvaja na bereg”;

«Турчинъ и мы» (Изъ впечатлѣній въ Добруджѣ)./ «Turčin" i my» (Iz" vpečatl'ėnij v" Dobrudžĕ”);

“Въ Румыніи живутъ наши соотечественники. Есть цѣлыяселенія недалеко отъ Яссъ, въ Молдавіи, но особенно много въ Добруджѣ. Здѣсь поселились сначала некрасовцы, донскіе казаки, ушедшіе при Петрѣ и поступившіе на турецкую службу. Этотъ первоначальный "исходъ" на Дунай русскихъ людей, искавшихъ свободы старой вѣрѣи, пожалуй, еще широкаго простора и дикой воли, впоследствии пополнялся притокомъ новыхъвыходцевъ, старообрядцевъ / V" Rumynii život" naši sootečestvenniki. Est' c'lyjaselenija nedaleko ot"Jass", v"Moldavii, no osobenno mnogo v" Dobrudžĕ. Zdĕs' poselilis' snačala nekrasovcy, donskie kazaki, ušedšie pri Petrĕ i postupivšie na tureckuju službu. Ètot" pervonačal'nyj "ishod"" na Dunaj russkih" ljudej, iskavših" svobody staroj vĕrĕi, požaluj, eše širokago prostora i dikoj voli, vposlĕdstvii popolnajsja pritokom"novyh"vyhodcev", staroobradcev”;

“Разсказывали о грозной крѣпости, о разныхъпашахъ и ихънравахъ, о разныхъ "ехвендіяхъ"/ Razskazyvali o groznoj krĕposti, o raznyh"pašah" i ih"nravah", o raznyh" ehvendijah”;

“На слѣдующій день былъпраздникъ славянскихъ первоучителей Кирилла и Меѳеодія, и болгарская колонія воспользовалась этимъ днемъ, чтобы отпраздновать и свой праздникъ освобожденія. Добруджанскіе болгары у румынскихъ властей на подозрѣніи, такъкакъ, несомнѣнно, ихъ симпатіи тяготѣютъ къ Софіи. Но все же нельзя было запретить празднованіе чисто культурнаго праздника, и вечеромъ этого дня я получилъ приглашеніе на литературный вечеръ въ помѣщеніи болгарской школы / Na slĕdujušij den' byl"prazdnik" slavjanskih" pervoučitelej Kirilla i Meĕeodija, i bolgarskaja kolonija vospol'zovalas' ètim" dnem", čtoby otprazdnovat' i svoj prazdnik" osvoboždenija. Dobrudžanskie bolgary u rumynskih" vlastej na podozrĕnii, tak"kak", nesomnĕnno, ih" simpatii tjağotĕjut" k" Sofii. No vse že nel'zja bylo zapretit' prazdnovanie čisto kul'turnago prazdnika, i večerom”

èтого dnja ja polučil" priglašenje na literaturnyj večer" v" poměšenii bolgarskoj školy";

"Salutări domnu Korolenko! Вашъ императоръ даль Россіи конституцію! / Salutari domnu Korolenko! Vaš" imperator" dal" Rossii konstituciju!";

"Посмотримъ, домнуле, что напечатано вънашихъ, – отвѣтилъ я, откланиваясь / Posmotrim", domnule, čto napečatano v"naših", – otvĕtil" ja, otklanivajas";

"Сигурно сказалъ (словообразование по русскому образцу) / Sigurno skazal" (slovoobrazovanie po russskomu obrazcu)";

Наши на Дунае / Naši na Dunae

"Домну докторе, ... / Domnu doktore, ...";

"Перцептор {Perceptor – сборщик податей} одолеваить... / Perčeptor {Perceptor – sboršik podatej} odolevait'...";

"На то у нас нотаръ (писарь) есть. Примаръ тоже / Na to u nas notar' (pisar') est'. Primar' tože";

"Подашь декларацию, деньги у кассу – доменилор отвез / Podaš' deklaraciju, den'gi u kassu – domenilor otvez";

"У каждого ектар, ектаржуматати лишку ангасытъ {Гектар, гектар с половиной нашел лишних}. (Уточняет и переводит Короленко) / U každygo ektar, ektaržumatati lišku angasyt' {Gektar, gektar s polovinoj našel lišnih}. (Utočnjaet i perevodit Korolenko)";

"А то у нас такой калабалык пойдет – не дай бог (турецкий и русский) / A to u nas takoj kalabalyk pojdet – ne daj bog (tureckij i russkij)";

"Чи май фаче, докторе {Обычное румынское приветствие}, – / Či maj fače, doktore {Obyčnoe rumynskoe privetstvие}";

"Proletarii din toata lurnea uniti-va {Пролетарии всех стран, соединяйтесь!}! – сказал он задорно. VARВАРИЗМ / Proletarii din toata lurnea uniti-va {Proletarii vseh stran, soedinjajtes'!}! – skazal on zadorno. VARVARIZM";

"А для чево мне ехать у "Русская Слава"? – переспросил Катриан, закуривая папиросу. По-русски он говорил с сильным болгарским акцентом. Отец его был румын, мать болгарка / A dlja čevo mine ehat' u "Russkaja Slava"? – peresprosil Katrian, zakurivaja papirosu. Po-russki on govoril s sil'nym bolgarskim akcentom. Otec ego byl rumyn, mat' bolgarka";

"Я проходил по базарной площади, наблюдая своеобразные картины разноплеменного торга и прислушиваясь к разноязычному говору / Ja prohodil po bazarnoj plošadi, nabljudaja svoeobraznye kartiny raznoplemenno go torga i prislušivajas' k raznojazyčnomu govoru";

"Domnilor! Граждане и гражданки... Сейчас открывается конференция рабочего клуба с участием друзей студентов (prieteni studenti) / Domni-

lor! Graždane i graždanki... Sejčas otkryvaetsja konferencija rabočego kluba s učastiem družej studentov (prieteni studenti)“;

“Грек-ватаф, юркий, тщедушный и горячий, выведенный из терпения философским спокойствием своих недавних рабов, ударил по щеке гиганта – албанеса или турка / Grek-vataf, jurkij, tšedušnyj i gorjačij, vyvedennyj iz terpenija filosofskim spokojstviem svoih nedavnih rabov, udaril po šeke giganta – albanesa ili turka“;

“На следующий день социал-демократическая газета "Новый мир" (Lumea nouă) появилась с телеграммой из Сулина и с громовой статьей о грубом нарушении консервативной администрацией основных законов страны / Na sledujušij den' social-demokratičeskaja gazeta "Novyj mir" (Lumea nouă) pojavilas' s telegrammoj iz Sulina i s gromovoj stat'ej o grubom narušenii konservativnoj administraciej osnovnyh zakonov strany“;

“Решительный поступок сулинского "бессарабьяна" совпал с назревшим кризисом / Rešitel'nyj postupok sulinskogo "bessarabjana" sovpal s nazrevšim krizisom“;

“Poftim, domnilor! Poftim! (Пожалуйста, господа, пожалуйста) / Poftim, domnilor! Poftim! (Požalujsta, gospoda, požalujsta)“;

“Domnuor... Poftim, domnilor... La oraasta e interzis. Впрочем, он имел в виду, повидимому, не столько практические результаты, сколько удовлетворение общественного мнения... / Domnuor... Poftim, domnilor... La oraasta e interzis. Vpročem, on imel v vidu, povidimomu, ne stol'ko praktičeskie rezul'taty, skol'ko udovletvorenje obšestvennogo mnenija...“;

“Чи май фаче (здравствуйте), – говорит он по-румынски и потом спрашивает: -- Доктор хйба еше спит? / Ći maj fače (zdravstvujte), – govorit on po-rumynski i potom sprašivaet: -- Doktor hiba eše spit?“;

“Вы отоприте фортку (калитку)... / Vy otoprите fortku (kalitku)...“;

“Дома с отцом, братом и женой Лука говорит на чистом украинском языке. Для внедомашнего употребления у него есть своеобразное общедобруджанское "руснацкое" наречие. В нем формы русских глагольных окончаний смягчены по-украински и, кроме того, вошло немало румынских и турецких слов и оборотов. Этот особый смешанный, наивно неправильный говор – результат междуплеменного лингвистического компромисса -- слышится часто в пестрой толпе добруджанских базаров и вообще над Дунаем. Его, кажется, выработали липоване в период своих передвижений через Стародубщину и Буковину и за время пребывания в Добрудже. Напоминает он отчасти и то испорченное русское наречие, которое можно слышать в Херсонщине и около Одессы и которому, кто еще знает, какая роль предстоит в судьбах нашего языка... / Doma s otcom, bratom i ženoi Luka govorit na čistom ukrainskom jazyke. Dlja vnedomašnego upotreblenija u nego est' svoeobraznoe obšedobrudžanskoje "rusnackoe" narečie. V nem formy russkih glagol'nyh okončanij smjagčeny po-ukrainski i, krome togo, vošlo nemalo rumynskih i

tureckih slov i oborotov. Ètot osobyj smešannyj, naivno nepravil'nyj govor – rezul'tat mežduplemennogo lingvističeskogo kompromissa -- slyšitsja často v pestroj tolpe dobrudžanskih bazarov i voobše nad Dunaem. Ego, kažetsja, vyrabotali lipovane v period svoih predviženij čerez Starodubšinu i Bukovinu i za vremja prebyvanija v Dobrudže. Napominaet on otčasti i to isporčennoe russkoe narečie, kotoroe možno slyšat' v Hersonšine i okolo Odessy i kotoromu, kto eše znaet, kakaja rol' predstoit v sud'bah našego jazyka...”;

“Доктор не... – пытається Осман виразити свою думку по-руськи. – Думнезеу... Аллах / Doktor ne... – pytaetsja Osman vyrazit' svoju mysl' po-russki. – Dumne-zeu... Allah”;

“Для большей вразумительности турок торжественно показывает на небо / Dlja bol'šej vrazumitel'nosti turok toržestvenno pokazyvaet na nebo”;

“– Аллах, значит, по-ихнему – бог. Думнезеу – это опять бог по-румынски, – поясняет мне Лука. – Хорошо. Бог! Это правда. Значит, не надо лечить? / Allah, značitsja, po-ihnemu – bog. Dumne-zeu – eto opjat' bog po-rumynski, – pojasnjaet mne Luka. – Horošo. Bog! Eto pravda. Značit, ne nado lečit?”;

“– Ну-й *треба* (не нужно), – говорит *турок* убежденно. (турки говорят по-украински) / Nu-j treba (ne nužno), – govorit turok ubeždenno. (turki govorjat po-ukrainski)”;

“Когда мы были близко, она подняла свое красивое лицо с мягкими округленными чертами и сказала навстречу Луке румынскую фразу: De se aidus mostele la doctoral... Du-le la cimitir... / Kogda my byli blisko, ona podnjala svoje krasivoe lico s mjaškimi okruglennymi čertami i skazala navstreču Luke rumynskuju frazu: De se aidus mostele la doctoral... Du-le la cimitir...”;

“Кынеле гречьяска (греческая собака), – пробормотал Лука про себя и повернул коляску тихо назад / Kynele grečjaska (grečeskaja sobaka), – probormotal Luka pro sebja i povernul koljasku tiho nazad”;

“Ты есть алтруист, – говорит Катриан серьезно. – Omul brav (храбрый человек). Тебе треба у нашего клуба писаться... / Ty est' altruist, – govorit Katrian ser'ezno. – Omul brav (hrabryj čelovek). Tebe treba u našego kluba pisat'sja...”;

“Nebun (сумасшедший), – говорит он бесцеремонно / Nebun (sumasšedšij), – govorit on besceremonno”;

“Hotz, tilhar, бЭроkrat! – гневно сверкая глазами, произносит Катриан / Hotz, tilhar, бÈrokrat! – gnevno sverkaja glazami, proiznosit Katrian”;

“– Ну, правда, – поясняет мне Лука. – Тильгар, гоц – значит, разбойник / Nu, pravda, – pojasnjaet mne Luka. – Til'gar, gos – značitsja razbojnik”;

“Аштjап (подожди), говорить. Ты покаместь не мешайся в это дело. Мы будем у газету писать. Потом, когда уже газета не поможет, напишем петицу {Petitia – жалоба} ... / Aštjap (podoždi), govorit'. Ty pokamest' ne

mešajsja v ètoe delo. My budem u gazetju pisat'. Potom, kogda uže gazeta ne pomožet', napišem peticu {Petitia – žaloba} ...”;

“Бух у ноги... "Яртаменпентрудумниезеу"... Значить: прости ты мене для бога / Buh u nogi... "Jartamepentrudumniezeu"... Značit': prosti ty mene dlja boga”;

“Asta afacere cetacenesca (это общественное дело). Когда ты увидишь одна змия, – убий его!.. / Asta afacere cetacenesca (èto obšestvennoe delo). Kogda ty uvidiš' odna zmija, – ubij ego!..”;

“Вот у его баба. Жидовка. Жениться он не хочет. У нас у Румынии это можно: либер, хочь з христианкою, хочь з татаркою венчатся можно / Vot u ego baba. Židovka. Ženit'sja on ne hočet. U nas u Rumynii èto možno: liber, hoč' z hristiankoju, hoč' z tatarkoju venčat'sja možno”;

“Я тебе прошу... Ну, не хочешь у церкву, неси у синагогу... Будет он у тебе жиденок. Усє-таки вера... Понесешь? / Ja tebe prošu... Nu, ne hočeš' u cerkvi, nesi u sinagogu... Budet on u tebe židenok. Usě-taki vera... Poneseš'?”;

“В мечеть неси. Будет он турчин / V mečet' nesi. Budet on turčîn”;

“Он нервно засмеялся и, указывая пальцем на Луку, заговорил, обращаясь ко мне, опять на своем руснацко-румынско-болгарском жаргоне / On nervno zasmejalsja i, ukazyvaja pal'cem na Luku, zagovoril, obrašajas' ko mne, opjat' na svoem rusnacko-rumynsko-bolgarskom žargone”;

“Че аста (что такое)? – спрашивает Катриан почти с испугом / Će asta (čto takoe)? – sprašivaet Katrian počti s ispugom”.

We present a real picture of the multi-colored compromise in V. Korolenko's essays, i.e. an endless and large-scale cultural exchange, a dialogue of cultures (Бахтин / Bahtin, 1972).

Toponyms play a special role in V. Korolenko's essays. In S. Ozhegov's *Explanatory Dictionary*, toponyms are explained as the proper name of a particular geographic location (a settlement, river, land, etc.) (Ожегов / Ožegov, 1990, p. 801). We have identified important features of toponym use:

(a) by the writer, using real geographical names when V. Korolenko does not change the names of populated areas. For example, Romania, Iasi, Dobrudja, Kyterlez, Tulcea, Sulin, Galati, Constanta, Sofia, Chisinau, Balkans, Bucharest, the village of Sarikioi, Russia, Siberia, Europe, Asia, Danube, Dnieper, Reaselm estuary, Strada Elisabetha (the main street of Tulcea), etc.;

(b) by the characters, replacing real geographical names according to Russian, Ukrainian, and Romanian models, with changes in endings and prefixes: iz Rassei (from Russia), like Tirashpol (as in Tiraspol), Zhurilovku (in Zhurilovka), Dobrudzha (in Dobrudzha), Bukaresti (in Bucharest), etc.

The presented analysis of toponyms confirms the documentary nature of the works under study, which is also confirmed by their genre.

Examination of one of the toponyms

Dobrudzha (Romanian: *Dobrogea* (inf.), Bulgarian: *Добруджа*, Gagarin: *Dobruca*, Turkish: *Dobruca*) is a historical region in the northern Balkan Peninsula, on the territory of modern-day Romania and Bulgaria. In the late 19th and early 20th centuries, Dobruja, strategically located near the important Danube Delta, became the object of fierce territorial disputes between the Russian Empire, the Ottoman Empire, Romania in the center and Bulgaria in the south (the Southern Dobruja region).

Thus, toponymy also reflects a "linguistic compromise". The Romanian authorities have accepted a diverse class of people, albeit one who is quiet and willing to negotiate with the authorities.

Any changes occurring in society are reflected in linguistic processes. Vocabulary is the most fluid layer, as it is highly receptive to everything new. Romania has adopted a number of lexical borrowings associated with historical changes. The flow of borrowed words, sometimes expanding, sometimes contracting, constantly penetrating local dialects and enriching them, testifies to the vibrant contacts between neighboring states. Every turning point in historical development is accompanied by active contacts and the interpenetration of lexical units. It's not surprising that such a flood of borrowings is observed, given the interests and needs of people confronted with a wealth of new vocabulary and new realities.

We believe that it was important for V. Korolenko to show that "on the spit washed by the Danube and the seashore, the splendor of European culture meets, as it were, the backwaters of Asia". He discusses how elements of Christian Europe and Muslim Turkey merge in Romanian and Bulgarian cultures, how they are reflected in the peculiarities of people's lives, relationships with each other, with nature, and with life in general ("Ours on the Danube").

References

Бахтин, М. (1972). *Проблемы поэтики Достоевского*. Изд-во «Художественная литература» / Bahtin, M. (1972). *Problemy poetiki Dostoevskogo*. Izd-vo «Hudozhestvennaja literatura». http://az.lib.ru/b/bahtin_m_m/text_1963_problemy_poetiki_dostoevskogo.shtml.

Горький, М. (1951). *Собрание сочинений в тридцати томах* (т. 15). Изд-во Гослитиздат / Gor'kij, M. (1951). *Sobranie sočinenij v tridcati tomah* (t. 15). Izd-vo Goslitizdat.

Короленко, В. (1932). *Из письма к жене и дочерям*, 15.06.1903 / Korolenko, V. (1932). *Iz pis'ma k žene i dočerjam*, 15.06.1903.

Короленко, В. (1932). *Из письма к С. Шолом-Алейхем*, 17.06.1903 / Korolenko, V. (1932). *Iz pis'ma k S. Šolom-Alejhemu*, 17.06.1903.

Короленко, В. (1971). *Собрание сочинений: в 6 т.* / Korolenko, V. *Sobranie sočinenij: v 6 t.*

Короленко, В. *Наши на Дунае* / Korolenko, V. *Naši na Dunae*. http://az.lib.ru/k/korolenko_w_g/text_0710.shtml.

Короленко, В. (1955). Дом № 13. В: *Собрание сочинений в десяти томах*. Том девятый. ГИХЛ / Korolenko, V. Dom no. 13. In: *Sobranie sočinenij v desjati tomah*. Tom devjatyj. GИHL.

Короленко, В. (1922). Земли, земли! Наблюдения, размышления, заметки. *Голос минувшего*, 1, 22-24 / Korolenko, V. (1922). Zemli, zemli! Nabljudenija, razmyšlenija, zametki. *Golos minuvšego*, 1, 22-24. http://az.lib.ru/k/korolenko_w_g/text_0520-1.shtml.

Короленко, В. (1955). История моего современника. Книга 2. В: *Собрание сочинений в десяти томах*. Том шестой. ГИХЛ / Korolenko, V. (1955). Istorija moego sovremennika. Kniga 2. In: *Sobranie sočinenij v desjati tomah*. Tom šestoj. GИHL.

Краткая литературная энциклопедия: в 9 т. Сов. Энцикл., 1962–1978 / *Kratkaja literaturnaja ènciklopedija: v 9 t. Sov. Èncikl., 1962–1978*.

Культура русской речи. Энциклопедический словарь-справочник, второе издание, исправленное. Издательство «Флинта», 2007 / *Kul'tura russkoj reči. Ènciklopedičeskij slovar'-spravočnik, vtoroe izdanie, ispravlennoe, Izdatel'stvo «Flinta», 2007*.

Ожегов, С. (1990). *Словарь русского языка* / Ožegov, S. *Slovar' russkogo jazyka*.

Энциклопедический словарь-справочник лингвистических терминов и понятий (т. 1). Издательство «Флинта», 2008 / *Ènciklopedičeskij slovar'-spravočnik lingvističeskikh terminov i ponjatij* (t. 1). Izdatel'stvo «Flinta», 2008.